

Гилберт Кит
ЧЕСТЕРТОН

*Тайны и загадки
отца Брауна*

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ч 51

Перевод с английского
Анатолия Кудрявицкого, Кирилла Савельева,
Наталии Трауберг, Вадима Штенгеля

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

- © А. И. Кудрявицкий, перевод, 2000
- © К. А. Савельев, перевод, 1994, 2022
- © Н. Л. Трауберг (наследники), перевод, 2023
- © В. К. Штенгель (наследник), перевод, 2023
- © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-22692-0

Из сборника
«НЕВЕДЕНИЕ ОТЦА БРАУНА»

СОКРОВЕННЫЙ САД

Аристид Валантэн, глава парижского сыска, опаздывал на званый обед в собственном доме. Гости уже начали прибывать, и старый слуга по имени Иван, которому хозяин всецело доверял, постарался успокоить прибывших. Иван был не только слугой, но и охранником — он всегда сидел за столиком в прихожей, на стенах которой висело самое разнообразное оружие. Лицо этого человека было отмечено шрамом и казалось таким же серым, как и свисающие усы.

Старинный дом Валантэна был, пожалуй, не менее знаменит, чем его владелец, и производил столь же странное впечатление. Участок окружала высокая стена; ветви могучих тополей нависали над Сеной. Странность же этого дома — и, быть может, немаловажное достоинство с точки зрения безопасности хозяина — заключалась в том, что в сад нельзя было попасть иначе чем через парадный подъезд, охранявшийся Иваном, в чьем распоряжении имелся целый арсенал. Сад отличался немалыми размерами и сохранился весьма аккуратно. Из дома сюда вело множество выходов, однако с улицы войти было невозможно — участок окружала высокая неприступная стена с острями на гребне. Именно таким, наверное, и должен быть сад человека, с которым поклялись расправиться сотни уголовников.

Иван сообщил гостям, что хозяин предупредил его по телефону: он задерживается на десять минут. По правде говоря, Валантэн был занят весьма неприятным делом — отдавал последние распоряжения относительно казни преступников; хотя подобные обязанности были ему глубоко противны, он ими не пренебрегал. Беспощадно охотясь за преступниками, он становился весьма снисходительным, когда речь шла о наказании. Во французских и, более того, в европейских правоохранительных органах он завоевал большой авторитет и, к чести для себя, пользовался своим влиянием для смягчения приговоров и тем самым способствовал очищению тюрем. Этого человека можно было назвать одним из наиболее гуманных французских вольнодумцев, весьма достойных людей, единственным недостатком которых является то, что они оказывают милосердие ближнему своему с еще большим холодом в сердце, чем когда вершат над ним правый суд.

Наконец Валантэн прибыл. Он был одет в черную пару, в петлице красовалась алая роза — элегантный и статный мужчина, ничего не скажешь, хотя в его черной бородке уже пробивалась седина. Валантэн прошел прямо к себе в кабинет, откуда можно было попасть в сад. Дверь как раз оказалась открыта. Хозяин дома убрал свой чемоданчик в ящик стола, запер его, затем подошел к выходу в сад и несколько мгновений простоял в дверном проеме, обозревая открывшуюся перед ним картину. Острый месяц нещадно рассекал лохмотья предвещавших грозу серых туч; Валантэн наблюдал за этим с задумчивостью, необычной для людей с научным складом ума. Быть может, подобные натуры способны обуреваются предчувствие того, что им скоро предстоит оказаться перед самой

немыслимой дилеммой в своей жизни. Однако какие бы невероятные мистические предвидения ни посетили начальника полиции, он быстро пришел в себя — ему ведь было известно, что он опоздал и гости уже начали собираться.

Войдя в гостиную, он с первого взгляда понял: самый долгожданный посетитель еще не прибыл. Остальные же были почти все налицо: лорд Гэллоуэй, английский посол, — пожилой мужчина с холерическим темпераментом; его кирпично-красное лицо напоминало спелое яблоко, в петлице фрака голубела ленточка ордена Подвязки; рядом с лордом была супруга — изящная, хотя и худая как спичка, с седыми волосами и запоминающимся лицом, выдававшим незаурядную и способную на глубокие чувства натуру; дочь посла тоже стояла неподалеку. Звали ее леди Маргарет Грэм; это была бледная хорошенькая девушка с медного оттенка волосами, судя по лицу проказница. Присутствовала также черноглазая дородная герцогиня Монт-Сент-Мишель с двумя дочерьми, такими же черноглазыми и дородными. Был здесь доктор Симон, типичный француз-ученый — в очках, с бородкой клинышком и высоким лбом, который пересекали параллельные ряды морщин (наказание, уготованное людям высокомерным, имеющим обыкновение поднимать брови). Присутствовал также отец Браун из местечка Кобхоул в Эссексе — с ним Валантэн недавно встречался в Англии. Хозяин заметил среди собравшихся еще одного человека — и тот, вероятно, вызвал у него наибольший интерес. То был высокий мужчина в военной форме; в эту минуту он как раз раскланивался с семейством Гэллоуэй, хотя его ожидал здесь не слишком сердечный прием; сразу же после этого военный направился к хозяину

дома, дабы засвидетельствовать ему свое почтение. Звали его О'Брайен, он служил во французском Иностранном легионе и имел высокий чин командора. О'Брайен был темноволос, голубоглаз, чисто выбрит, строен; осанка его выдавала привычку повелевать. Как то пристало офицеру подразделения, прославившегося триумфальными провалами и самоубийственными победами, он имел одновременно лихой и меланхоличный вид. По рождению этот человек был знатным ирландцем, в детстве и юности водил знакомство с Гэллоуэями, особенно с их дочерью, Маргарет Грэм. Долги вынудили его покинуть родину. Теперешний его наряд — военная форма, шпоры, сабля — демонстрировал полное пренебрежение британским этикетом. Когда он поклонился семье посла, лорд и леди Гэллоуэй ответили принужденным поклоном, а леди Маргарет отвела взгляд в сторону.

Однако по каким бы коренящимся в глубоком прошлом причинам гости ни проявляли интерес друг к другу, знаменитый хозяин дома выказал ко всему этому полное равнодушие. Никого из них он не мог бы назвать гвоздем программы; нет, это должен был быть другой человек, всемирно известный, чье расположение он снискал во время своего визита в Новый Свет, принесшего ему славу как выдающемуся борцу с преступностью. Этим человеком являлся Джулиус К. Блэйн, мультимиллионер, — его огромные, непомерные жертвования в пользу приверженцев непопулярных религий дали возможность английским и американским газетчикам раздуть его славу. Никто не знал, был ли мистер Блэйн атеистом или мормоном, адвентистом седьмого дня или адептом «Христианской науки», однако он неизменно проявлял готовность сыпать деньги в любую бочку при условии, что

ее только что перед ним поставили. Он ожидал того благословенного дня, когда в Америке появится свой Шекспир, — занятие, требующее больше терпения, чем даже рыбная ловля. Уолт Уитмен¹ приводил его в восхищение, однако он считал, что некий Льюк П. Тэннер из городка Парижа, что находится в штате Пенсильвания, гораздо более «прогрессивен», чем Уитмен. Миллиардеру нравились «прогрессивные люди». Он считал прогрессивным даже Валантэна, впрочем совершенно несправедливо.

Появление в комнате массивной фигуры Джулиуса К. Блэйна оказалось столь же категорическим, как гонг, сзывающий гостей к столу. У этого человека имелась черта, несвойственная большинству из нас: его присутствие казалось не менее заметным, чем его отсутствие. Это был огромный мужчина, полный и высокий, одетый в черный фрак; черноту эту не умерял блеск часовой цепочки и массивного кольца на пальце. Седые волосы Блэйна были зачесаны назад на германский манер, лицо отличалось краснотой, черты его казались какими-то детскими и в то же время неприятными; пучок волос, свешивавшийся вниз с подбородка из-под самой нижней губы, придавал этому человеку с внешностью невинного младенца вид театрального злодея, чуть ли не Мефистофеля. Общество, впрочем, недолго любовалось знаменитым американцем — к его манере опаздывать все уже привыкли, так что ему почти сразу же предложили последовать в столовую рука об руку с леди Гэллоуэй.

¹ Уитмен Уолт (1819–1892) — великий американский поэт, автор эпической книги «Листья травы», зачинатель современного верлибра, то есть свободного стиха. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Если не считать одного большого вопроса, семейство английского посла было достаточно приветливо и общительно. Поскольку леди Маргарет сделала вид, что не замечает протянутой руки этого авантюриста О'Брайена, и вполне пристойно проследовала в столовую с доктором Симоном, отец ее был вполне удовлетворен. Однако, несмотря на это, старый лорд Гэллоуэй чувствовал беспокойство, даже нервничал и в разговоре с трудом заставлял себя быть учтивым. Во время обеда ему еще удавалось соблюдать приличия, но когда трое мужчин помоложе — доктор, отец Браун и О'Брайен, этот вредоносный отщепенец в чужом мундире, — закулив сигары, вышли из комнаты — то ли для того, чтобы присоединиться к дамам, то ли с целью спокойно покурить в оранжерее, — английский дипломат дал волю своему раздражению. Его не переставая являла мысль, что этот проходивец О'Брайен в эту самую минуту, быть может, попытается завязать разговор с Маргарет или, чего доброго, уже с ней беседует. Сам же посол остался пить кофе с Блэйном, седовласым янки, верившим во всех богов, и седеющим французом Валантэном, не верившим ни во что. Эти двое могли спорить сколько им угодно, но заставить посла ввязаться в свою дискуссию были бессильны. К тому времени, как спор о том, что считать прогрессивным, достиг своего апогея, то есть стал невыносимо скучен, лорд Гэллоуэй наконец поднялся и покинул комнату в надежде самостоятельно разыскать гостиную. Это, однако, оказалось не таким простым делом, и, лишь проблуждав минут пять-семь в бесконечных коридорах, лорд услышал высокий голос морализировавшего доктора, а затем глухо прозвучавший ответ отца Брауна, слова которого были встречены общим смехом. «И эти тоже, черт их возьми, спорят, — думал посол. — Вроде бы насчет

взаимоотношений науки и религии». Однако в тот момент, когда лорд Гэллоуэй открыл дверь и вступил в гостиную, он заметил лишь единственное: в комнате кое-кого не хватало. А именно командора О'Брайена и леди Маргарет.

Нетерпеливо покинув гостиную, как недавно столовую, лорд Гэллоуэй снова попал в длинный коридор. Намерение уберечь дочь от этого ирландского — или теперь алжирского? — мошенника прогнало все прочие мысли и воцарилось у него в голове как самодержец, как безумный властитель. Когда лорд оказался в задней части дома, где помещался кабинет Валантэна, ему вдруг, к его удивлению, попалась навстречу дочь — она неслышно проскользнула мимо, на бледном ее лице играла презрительная усмешка. Это озадачило посла не менее, чем недавнее отсутствие Маргарет. Если она говорила с О'Брайеном, куда тот делся? Если же она с ним не говорила, что она делала все это время? Со жгучей старческой подозрительностью Гэллоуэй на ощупь пробирался по полутемным коридорам вглубь дома. Тут он случайно набрел на один из выходов в сад, которым обычно пользовались слуги.

Ятаган месяца к этому времени распорол все штормовые паруса туч и разрезал их на мелкие клочки. Серебристый свет залил все углы сада; посол вдруг заметил высокую фигуру в голубом одеянии, двигавшуюся по газону в направлении одного из входов в дом. Вот на лицо этого человека пал один из ярких бликов — и этого оказалось достаточно, чтобы вполне отчетливо стали видны черты командора О'Брайена.

Молодой офицер прошел через балконную дверь и скрылся в доме; наблюдавший за ним Гэллоуэй

пребывал в неописуемом настроении — он злился, но не мог понять, на кого именно. Серебристо-голубой сад, так похожий на театральные декорации, казалось, насмехается над ним, околдовывает насильственной своей нежностью, против которой восставало мирское величие посла. Широкая, исполненная грации походка ирландца вызвала в старом лорде ярость, как будто этот человек был его соперником в любви; лунное сияние сводило его с ума, завлекало в ловушку, заманивало в волшебные миры Ватто¹, в вертоград трубадуров. Желая стряхнуть это идиотское наваждение, посол торопливо зашагал следом за недругом, но почти сразу же споткнулся о какой-то предмет в траве — то ли о камень, то ли о бревно. Он бросил на землю раздраженный взгляд, но раздражение тут же сменилось изумлением, затем ужасом. В следующее мгновение луна и стройные тополя могли наблюдать необычное зрелище: бегущего со всех ног пожилого английского дипломата, вдобавок что-то кричащего на бегу.

Его хриплые возгласы не остались без последствий — в окне кабинета рядом с балконной дверью появилось бледное лицо, заблестели стекла чьих-то очков. Это был доктор Симон, в конце концов разобравший, что именно выкрикивает высокородный англичанин. А кричал он вот что:

— Труп! Труп в траве! Окровавленный труп!

Об ирландце лорд Гэллоуэй наконец-то забыл.

— Надо немедленно известить Валантэна, — сказал доктор, когда посол сбивчиво описал то, что успел

¹ *Ватто Антуан* (1684–1721) — французский художник, автор отличающихся изысканной нежностью красочных полотен — бытовых и театральных сцен, «галантных празднеств».

рассмотреть. — Нам повезло, что здесь сам начальник полиции.

Валантэн оказался легок на помине, — услышав крики, он поспешил на место происшествия. Занятно было наблюдать, как изменилась его манера держаться: пришел он с видом заботливого хозяина, испугавшегося, что одному из гостей или слуг стало плохо; когда же ему рассказали о жуткой находке, он тотчас стал необыкновенно серьезен и даже деловит — как никак сие ужасное происшествие вернуло его к исполнению профессиональных обязанностей.

— Странно, господа, — произнес он, выходя со спутниками в сад, — я расследовал таинственные истории по всему свету, а тут одна из них происходит в моем собственном доме. Покажите, где найдено тело.

Они с трудом пересекли лужайку — с реки наплыла густая туманная дымка; однако с помощью дрожавшего как банный лист лорда им наконец удалось отыскать в высокой траве труп. Мертвец был рослым и плечистым мужчиной; лежал он лицом вниз, так что видны были лишь его черный костюм, массивная лысая голова, на которой сохранилось лишь несколько пучков темных волос, прилипших к коже, как влажные водоросли. Из-под обращенного к земле лица текла алая струйка крови.

— Что ж, — сказал Симон с особенно значительной, зловещей интонацией, — он, по крайней мере, не из числа гостей.

— Осмотрите его, доктор, — взволнованно воскликнул Валантэн, — быть может, он еще жив!

Врач склонился над телом.

— Еще не остыл, — сообщил он, — но боюсь, что надежды нет никакой — он мертвехонек. Помогите-ка мне его приподнять.

Совместными усилиями они подняли тело на несколько дюймов от земли, после чего произошло нечто ужасное, и все сомнения, мертв ли этот человек, развеялись: отделенная от тела голова осталась лежать на траве. Убийца, очевидно, перерезал жертве горло и нанес при этом столь сильный удар, что перерубил шею. Даже выдавший виды Валантэн был потрясен.

— Преступник, похоже, силен, как горилла, — пробормотал он себе под нос.

Доктор Симон, хотя и посещавший изредка морги, поднял голову с земли с некоторым трепетом. Шею опоясывал разрез, но лицо осталось неповрежденным. Оно было мясистым и желтым, со впалыми щеками и выступающими скулами, ястребиным носом и тяжелыми веками. Такие черты могли быть у погрязшего в пороках римского императора; неуловимое сходство проглядывало даже с императорами китайскими. Никто из присутствующих не знал этого человека, да и в ближайшее время ничего нового о нем выяснить не удалось, — приподняв тело, они увидели лишь, что белая сорочка на груди запачкана кровью. Как и сказал доктор Симон, покойник оказался не из числа гостей, хотя его наряд и заставлял предположить, что он, быть может, намеревался к ним присоединиться, — одет он был соответствующим образом.

Валантэн опустился на корточки и со всей тщательностью обследовал траву и почву в радиусе двадцати ярдов вокруг тела; начальнику полиции пытались помочь доктор и английский посол, хотя от первого проку было мало, а второй вообще скорее мешал, чем помогал работать. Усердие этой троицы не дало никаких результатов — найдено было лишь несколько веток, разрезанных или разрубленных на

мелкие кусочки. Валантэн поднял их, осмотрел и снова бросил на землю.

— М-да, ветки, — угрюмо сказал он, — одни лишь ветки и какой-то неизвестный с отрубленной головой; ничего здесь больше нет.

Воцарилось напряженное молчание, и вдруг заметно нервничавший лорд Гэллоуэй вскрикнул:

— Кто это? Кто там у стены?

К ним приближалась неровным шагом маленькая человеческая фигурка с непропорционально большой головой; в серебристой дымке лунного света казалось, что это какое-то волшебное существо, нечто вроде гоблина. При ближайшем рассмотрении, однако, выяснилось: это безобидный маленький священник, который до сих пор сидел в гостинной.

— Хочу вам напомнить, — просто сказал он, — что в этот сад нельзя попасть с улицы — здесь нет ни ворот, ни даже калитки.

Черные брови Валантэна, казалось, сошлись, когда он, по своему обыкновению, поморщился при виде сутаны. Но человек он был справедливый и потому отдал должное уместному замечанию священника.

— Вы совершенно правы, — заявил он. — Для того чтобы узнать причину убийства, нам, вероятно, придется выяснить, как этот человек здесь оказался. Согласитесь, господа, что мы должны по возможности уберечь моих гостей от ненужной огласки их имен. Среди них ведь уважаемые люди, несколько дам и к тому же вы, господин посол. Надеюсь, вы не поймете меня превратно и не будете считать, что я злоупотребляю своим положением. Когда факт преступления будет отмечен в полицейском рапорте, дело пойдет своим чередом, и тут уж ничего не поделаешь. Пока же этого не произошло, я могу действовать

по своему усмотрению. Я занимаю пост начальника полиции и до такой степени нахожусь на виду, что могу себе позволить кое-что скрыть. Клянусь честью, я выясню все относительно поведения моих гостей, прежде чем вызову сюда моих подчиненных и прикажу им искать убийцу где-то еще. Господа, вы должны дать мне обещание не покидать этот дом до завтрашнего утра. У меня для каждого найдется спальня. Мсье Симон, вы, по-моему, знаете, где комната Ивана, моего телохранителя, — он человек надежный. Идите туда и скажите ему, чтобы он попросил кого-нибудь из слуг посторожить у входной двери, а сам шел сюда. Лорд Гэллоуэй, вы, конечно, лучше других сумеете сообщить дамам, что произошло, и убедить их не впадать в панику. Они также должны остаться в доме. Мы с отцом Брауном побудем здесь, у тела.

Коль скоро в начальнике полиции разыграл боевой дух, прочим осталось лишь повиноваться. Доктор Симон отправился в комнату, на стенах которой было развешено оружие, и вызвал на место происшествия Ивана, частного детектива на службе у детектива, облеченного властью. Посол отправился в гостиную и, насколько мог тактично, довел до сведения дам ужасную новость, так что, когда общество наконец было в полном сборе, дрожавшие от страха представительницы прекрасного пола успели уже немного успокоиться. Тем временем священник и вольнодумец несли вахту у тела: один — в головах, другой — в ногах. Их неподвижные, облитые лунным светом фигуры казались статуями, символизирующими два мировоззрения, два разных восприятия смерти.

Иван, доверенный помощник Валантэна, выскочил из дома, как ядро из пушки, и помчался по траве к начальнику полиции, подобно собаке, откликнув-

шейся на зов хозяина. Это был усатый мужчина; на лице его, отмеченном шрамом, читалось почти нездоровое оживление: видно было, что таинственное происшествие в его собственном доме пробудило в нем охотничий азарт. С почти неуместным рвением он попросил патрона разрешить ему осмотреть труп.

— Да, пожалуйста, Иван, раз уж вам так хочется, — ответил Валантэн. — Но не задерживайтесь — нам надо вернуться в дом и заняться делом.

Иван поднял отрубленную голову, затем выпустил ее из рук, и она упала на землю.

— Как же это... — сдавленно прошептал он. — Нет, не может быть... Вы знаете, кто это, мсье?

— Нет, — без всяких эмоций отозвался Валантэн. — Пошли-ка лучше в дом.

Вдвоем они втащили труп в кабинет, положили его на диван, затем направились в гостиную.

Начальник полиции спокойно подошел к письменному столу и сел; в его походке ощущалась какая-то нерешительность, но во взгляде, которым он обвел собравшихся, был холод стали; такой взгляд бывает у судьи на выездной сессии суда присяжных. Валантэн торопливо сделал какие-то пометки в лежавшем на столе блокноте, затем отрывисто спросил:

— Здесь все?

— Кроме мистера Блэйна, — ответила герцогиня Монт-Сент-Мишель, оглядев комнату.

— Нет и еще одного, — хрипло проговорил лорд Гэллоуэй. — Если не ошибаюсь, мистера Нейла О'Брайена. Я видел, как сей джентльмен прогуливался по саду, когда там лежал еще не остывший труп.

— Иван, поищите командора О'Брайена и мистера Блэйна, — распорядился начальник полиции. — Последний, кажется, докуривает сигару в столовой,

а командор, вероятно, прогуливается по оранжерее. Впрочем, это только мои предположения.

Верный помощник Валантэна умчался, а его шеф тотчас же, не дав никому времени на размышления, продолжал все с той же неумолимой стремительностью:

— Всем, кто здесь присутствует, должно быть известно: в саду найдено тело человека с отрубленной головой. Доктор Симон, вы осматривали труп. Скажите, для того чтобы нанести такой удар, нужна богатырская сила? Или все дело в том, что у убийцы был очень острый нож?

— Ножом, знаете ли, голову не отрежешь, — отозвался бледный доктор.

— Как по-вашему, чем это можно сделать? — спросил Валантэн.

— В наше время — не знаю, — промолвил доктор, подняв брови, отчего на лице его появилось скорбное выражение. — Шею не так-то легко перерубить даже несколькими ударами, а здесь шрам ровный. Если бы дело было пару веков назад, я бы сказал, что удар нанесен двуручным мечом, алебардой или топором палача.

— Господи помилуй! — раздался почти истерический крик герцогини. — Да здесь же нет никаких двуручных мечей и алебард!

Валантэн все еще торопливо записывал что-то в блокнот.

— Скажите, — спросил он, не отвлекаясь от работы, — можно ли сделать это длинной французской кавалерийской саблей?

Тут вдруг раздался глухой стук в дверь, который почему-то заставил всех присутствующих похолодеть, словно это была сцена из шекспировского «Макбета».

В молчании, воцарившемся после того, как у всех по коже пробежал холодок, послышались слова доктора:

— Саблей — да. На мой взгляд, ею можно нанести такой удар.

— Благодарю вас, — ответил Валантэн. — Иван, входите!

Дверь распахнулась, и охранник пропустил вперед командора О'Брайена, которого он в конце концов нашел в саду, — тот снова вышел на воздух и беспокойно мерил шагами лужайку.

Расстроенный ирландец остановился на пороге. Вид у него был вызывающий.

— Что вам от меня надо? — воскликнул он.

— Будьте любезны, сядьте, — спокойно и доброжелательно сказал Валантэн. — Гм, а сабля-то не при вас! Где же она?

— На столе в библиотеке, — ответил О'Брайен, и оттого, что он пребывал в смятении, акцент его стал отчетливее. — Такая незадача, представьте, вышло так, что...

— Иван, — распорядился начальник полиции, — сходите, пожалуйста, в библиотеку и принесите саблю командора. — Затем, когда охранник удалился, Валантэн продолжал: — Лорд Гэллоуэй говорит, вы ушли из сада незадолго до того, как он обнаружил труп. Что вы делали в саду?

О'Брайен устало опустил в кресло.

— О, просто-напросто глядел на луну! — воскликнул он на ирландском диалекте. — Общался с природой, дорогой мой!

Воцарилось гробовое молчание. Через какое-то время его прервал стук в дверь, такой же обыденный, но пугающий, как раньше.

СОДЕРЖАНИЕ

Из сборника «НЕВЕДЕНИЕ ОТЦА БРАУНА»

Сокровенный сад. <i>Перевод А. Кудрявицкого</i>	5
Невидимка. <i>Перевод К. Савельева</i>	37
Сломанная шпага. <i>Перевод К. Савельева</i>	61

Из сборника «МУДРОСТЬ ОТЦА БРАУНА»

Салат полковника Крэя. <i>Перевод Н. Трауберг</i>	87
Лиловый парик. <i>Перевод К. Савельева</i>	100

Из сборника «НЕДОВЕРЧИВОСТЬ ОТЦА БРАУНА»

Воскресение отца Брауна. <i>Перевод К. Савельева</i>	121
Чудо «Полумесяца». <i>Перевод К. Савельева</i>	144
Проклятие золотого креста. <i>Перевод К. Савельева</i>	176

Из сборника «ТАЙНА ОТЦА БРАУНА»

Человек с двумя бородами. <i>Перевод К. Савельева</i>	212
Алиби актрисы. <i>Перевод К. Савельева</i>	238
Исчезновение Водрей. <i>Перевод В. Штенгеля</i>	263
Секрет Фламбо. <i>Перевод К. Савельева</i>	288

Из сборника «СКАНДАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ С ОТЦОМ БРАУНОМ»

Преследование синего человека. <i>Перевод К. Савельева</i>	297
Острие булавки. <i>Перевод К. Савельева</i>	321

Честертон Г. К.

Ч 51 Тайны и загадки отца Брауна : рассказы / Гилберт Кит Честертон ; пер. с англ. А. Кудрявицкого, К. Савельева, Н. Трауберг, В. Штенгеля. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-22692-0

Гилберт Кит Честертон — признанный классик английской литературы, один из самых ярких писателей первой половины XX века. Классикой стали его романы и многочисленные эссе, однако любовь массового читателя принесли ему рассказы об отце Брауне, тихом, застенчивом священнике, мастерски раскрывающем наиболее запутанные загадки и преступления. Издание этих рассказов, начатое в 1911 году сборником «Неведение отца Брауна», растянулось на добрую четверть века, превратившись в детективную эпопею. Ее мудрый и неприязательный герой не читает блестящих лекций в духе Эркюля Пуаро и не создает великих теорий, подобно Шерлоку Холмсу. Он даже не всегда стремится наказать преступника, но со смиренной иронией и неизменным изяществом расставляет все по местам.

В настоящее издание вошли избранные рассказы об отце Брауне из всех пяти сборников: «Неведение отца Брауна», «Мудрость отца Брауна», «Недоверчивость отца Брауна», «Тайна отца Брауна» и «Скандалное происшествие с отцом Брауном».

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ГИЛБЕРТ КИТ ЧЕСТЕРТОН
ТАЙНЫ И ЗАГАДКИ ОТЦА БРАУНА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Валерий Камендо, Светлана Федорова,
Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 28.02.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page — www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AKB-31668-01-R